

ЕВРАЗИЙСТВО И МАРКСИЗМ

Два рода соблазнов могут помешать беспристрастному обсуждению этой темы. Можно прельститься, прежде всего, внешними уподоблениями и аналогиями: марксизм — строен, целен, монистичен, таковым же должно быть евразийство, следовательно, они родственны по своему духу; марксизм — историчен, не менее исторично и евразийство, следовательно, они строятся на одном историческом фундаменте; марксизм, наконец, социален, социальностью проникнуто и евразийство, следовательно, они вдохновлены одинаковыми практическими стремлениями. Подобные аналогии можно продолжать без конца, но научное значение их довольно ничтожно. Уподоблению и сравнению поддается всё, нами представляемое и познаваемое, однако научной ценностью обладают только те сравнения, которые исходят не из внешнего сходства случайных признаков, но из внутренних, отражающих структуру предмета начал и принципов. Еще более опасными становятся подобные сравнения тогда, когда они исходят не из чистого теоретического интереса, но вдохновляются скрытыми, опознанными или неопознанными, политическими стремлениями. Здесь в познание предмета вторгается другой соблазн, влияние которого способно запутать вопрос до полной безнадежности. Можно прельститься хитрым планом так удачно изобразить сходство марксизма с евразийством, что каждый марксист скажет: помилюйте, да я — евразиец!.. Всякому ясно, каково будет политическое значение такого признания. И чтобы оно было сделано, для этого яко бы нужно не так уже много: нужно только евразийство, по возможности, обделать под марксизм, хотя бы по внешности, по аксесуарам, по украшениям. Едва ли стоит подвергать тактической оценке подобный план, — уж очень он прозрачно наивен. Что же касается до научно-теоретической стороны дела, то проведение всякого подобного предприятия в результате будет давать фальсификат, а не истину. О ценности таких фальсификатов для науки говорить также не приходится.

Откинув всякие соблазны и подходя к проблеме возможно беспристрастно, приходится сказать: сходств между марксизмом и евразийством — не видно, видны различия. Другого вывода для евразийца быть не может, если только иметь в виду основные учения, из которых складывается система марксизма от первых ее посылок и до последних выводов.

* * *

Наиболее глубокой философской предпосылкой марксизма является учение о примате „бытия“ перед „сознанием“. Учение это, взятое в чисто отвлеченном виде, разделяется многими философскими на-

правлениями, отвергающими субъективизм и склонными к онтологизму. В этой отвлеченной формулировке оно еще говорит очень мало. Суть вопроса лежит в том, что вкладывается в понятие „бытия“ и как последнее понимается? Марксизм дает на этот вопрос совершенно определенный ответ: именно, под „бытием“ понимается материальное бытие, которое и определяет „сознание“, т. е. человеческие чувствования, верования, представления, мысли, стремления, говоря суммарно, нашу „идеологию“. Причем, в отличие от классического материализма, к которому легко на первый взгляд марксизм причислить, Маркс и его ученики понимают под „материальным бытием“ не атомы и их движение, но экономические отношения, иными словами, формы производства, или способы борьбы за существование, применяемые человеком в различные исторические периоды его жизни. В основе системы Маркса лежит таким образом принцип экономической практики, которому марксизм и придает основное определяющее значение в истории и общественной жизни — отсюда любовь марксистов цитировать известное изречение из Фауста: »Im Anfang war die Tat« („в начале было дело“, т. е. акт, практика). Рассматривая марксизм с этой его стороны, приходится прежде всего указать на глубокие корни, связывающие его с западным мышлением вообще, для которого „акт“, „практика“ являются основным метафизическим феноменом, — некоторым первым началом всего сущего. Однако, западное мышление отнюдь не склонно отрывать этот „акт“ от „сознания“ и лишать его религиозно-метафизического смысла. Таков *actus purus* схоластиков, *cogito ergo sum* Декарта, *Tathandlung* Фихте и т. п. В противоположность этому марксизм понимает „акт“ чисто антропологически, т. е. освобождает его от всякого религиозно-метафизического смысла. Прямым философским предшественником марксизма является антропологизм Л. Фейербаха, провозгласившего, как известно, следующую истину: „человек есть то, что он ест“. Только на место неопределенного понятия „питания“, которому Фейербах придавал определяющее значение в вопросах человеческого бытия и человеческой жизни, Маркс и его школа построили детально разработанное учение об общественно-производственном процессе и общественно-производственных отношениях, составляющих базу, на которой вырастают политические, правовые, нравственные, религиозные и вообще все возможные „идеологические надстройки“. Таким образом, Маркс придает антропологизму Фейербаха социологический и исторический характер: на место абстрактного человека становится конкретный хозяйствующий в определенных исторических условиях человек, — и в его экономической практике усматривается основной принцип всей философии. Следует еще добавить, что, несмотря на постоянное противопоставление вульгарному материализму, в марксизме всегда заметна некоторая основная материалистическая струя: эта „экономическая практика“ в конце концов истолковывается, как процесс траты чисто физической, мускульной энергии, к которому сводится человеческий труд. То обстоятельство, что человек трудится, руководствуясь планом, а пчела работает без плана (пример самого Маркса), в конце концов, дела не меняет: общественная субстанция человеческого труда остается физической, а идеи и планы являются несамостоятельными проводителями реально-энергетических процессов.

„В начале было дело“ — это для марксизма означает: был факт социальной траты мускульной энергии. — И этот факт определяет со-

бою всё содержание человеческой жизни, начиная с религиозных воззрений и кончая политическими формами. Таков — основной философский тезис марксизма, и спрашивается, как же может отнестись к нему евразийство? Может ли оно тезис этот принять целиком или отчасти, в какой-нибудь доле? Нужно честно сказать, что тезиса этого евразийство ни в каком смысле и ни с какой стороны принять не может. Евразийство по основному своему духу — религиозно и метафизично, потому нет ничего более далекого от евразийства, чем материалистический антропологизм, — всё равно, формулируется ли он в абстрактно-индивидуалистическом виде, как у Фейербаха, или принял социально-исторические формы, как у Маркса. Выясняя отношение евразийства к западной философии, приходится признать, что религиозно-метафизические западные системы евразийству ближе, чем новый антропологизм. Просто потому, что утверждая первенство „акта“ и „практики“, защищая тезис: „в начале было дело“, системы эти говорили здесь о некоем „деле Божиим“. И дела человеческие получали для них смысл в плане этого „Божьего дела“. — Это не значит, что евразийство может принять „практицизм“ западных систем. Мы знаем о старом споре по вопросу о первенстве „созерцательного покоя“ и „деятельной практики“. Мы знаем, что в различных религиозно-метафизических системах Востока спор этот решался в пользу ценностного приоритета первого над второй (классическими примерами такого решения, возведенного в грандиозное мирозозерцание, можно считать идеал „нирваны“ и идеал „ничего не делания“ в таоизме). В западном практицизме должно сделать поправку на восточный идеал созерцательного покоя, — и мы полагаем, что религиозно-метафизически она уже сделана, и, именно, в религиозно-метафизических учениях восточного христианства. Поэтому философский тезис религиозного Запада мы отнюдь не принимаем целиком, — но всё же он нам ближе, чем антропологизм Фейербаха и Маркса. Они для нас — поистине, самые далекие, самые чуждые мыслители. И практически нам они чужды, как чужды крайние приложения западного практицизма, как чужд буржуазный американизм и его родной брат, американизм коммунистический, без частного капитала и частной инициативы, но в конце концов сводящийся к суетному и торопливому техническому переустройству мира. Мы не против такого переустройства, но вовсе не считаем его единственной и последней целью. Иными словами, мы не делаем кумира из практики, но ищем такое „созерцание“, которое деятельности не противоречит и ее осмысливает.

Оттого мы считаем логически не мыслимым и практически неосуществимым какой-либо органический переход от марксизма к евразийству и от евразийства к марксизму. Такой переход возможен, когда марксист умертвит в себе марксистскую субстанцию или когда евразиец искоренит в себе евразийскую сущность. Потому такой переход возможен в результате глубокого кризиса, а не мирной, органической „эволюции“.

* * *

Говоря о „философских“ основах марксизма, нельзя не указать еще на один существенный момент: марксизм считает себя наследником гегелевской диалектики, что дает повод многим марксистским элигонам нарочито твердить о „диалектичности“ марксизма. Между тем тот акт, который сами марксисты определяют, как „перестановку

диалектики с головы на ноги⁴, равносильно, строго говоря, уничтожению самой идеи диалектики, как она понималась всеми ее великими представителями, начиная с Платона и кончая Гегелем. Поставить диалектику „на ноги“ — это значит превратить ее из логического процесса становления идей в процесс чисто физического движения материальных сил. Это значит превратить диалектику в теорию динамической эволюции. При этом учение о движении ступеней высшей идеи к ее последнему члену, в котором все противоположности совпадают в высшем всеединстве (*coincidentia oppositorum*), становится, за отнятием этого последнего и самого существенного момента, учением об относительности всех идей вообще. Диалектика и начинает отождествлять себя с релятивизмом, — с учением, что ничего неизменного нет, всё течет и изменяется, всё переходит в другое, неизменно только одно — это само изменение. Таково и есть учение Маркса об относительности всякой идеологии, начиная с философских и научных истин, и кончая верованиями, обычаями, нормами и т. п. С точки зрения истории идей в таком учении нет ровно ничего нового. Оно известно и древности, и эпохе возрождения, и XVIII веку. С точки зрения культурно-исторической подобный скептицизм и релятивизм рождался всегда в критические, революционные, деструктивные эпохи. Их преобладание всегда указывает на глубокие революционные процессы, охватывающие бытовой уклад социальной жизни. Нельзя оспаривать, что марксизм обладает такой революционной силой расшатывания старых представлений, — и к этому сводится вся его „диалектичность“. Марксизм есть германское философское выражение тех революционных настроений, которые в истории западной культуры ранее него были представлены английским сенсуализмом и французским пре-революционным материализмом. Левые гегельянцы, Фейербах, а за ним Маркс, совершили, в смысле разрушения старых народных верований, на германской почве то, что до них в англо-саксонских и романских странах выполнили сторонники „нового“ европейского „просвещения“. Потому то, ни в Англии, ни в романских странах, марксизм и не приобрел той популярности, как в Германии. Особую роль он сыграл у нас. Представители нашего старого правящего слоя, „дворяне“, „просвещались“ по Вольтеру и энциклопедистам, инфильтрировавшиеся в наш правящий слой в XIX веке „разночинцы“ „просвещались“ отчасти по Бюхнеру и Малешоту, отчасти были взяты в германскую, фейербахеанско-марксистскую выучку (известно, какое влияние оказал Фейербах на Герцена и его поколение). Народ наш до революции не пережил эпохи „просвещения“ — и вот „просветительным“ агентом у нас суждено было стать марксизму. Он исполняет и будет исполнять эту роль, пока деструктивный период революции не сменится конструктивным.

Евразийское учение конструктивно по своему основному существу — и потому ему совершенно чужды релятивистические стремления, глубоко заложенные в системе марксизма. Чужды ему все эти идеи о классовом характере истины, о классовой нравственности, о религии, как простом продукте классового угнетения и т. п. Евразийство отдает себе полный отчет в степени деструкции, произведенной марксизмом в сознании довольно широких кругов русского народа, но задача наша заключается не в том, чтобы вместе с марксизмом работать над дальнейшей деструкцией, но в том, чтобы на расчищенной почве сконструировать новое положительное народное миропонимание.

Теоретическое решение этой проблемы возможно только в полной обособленности от марксистской доктрины; практическое же осуществление — в широко народных размерах — требует, чтобы официальный русский марксизм окончательно выветрился и изжил самого себя.

Столь же не приемлема для евразийства и детальная разработка, которую марксизм придает своему основному тезису о ценностном приоритете практики. В первую очередь здесь нужно назвать ту сторону марксизма, вследствие которой он присваивает себе имя исторического или экономического материализма или материалистического понимания истории. В основе всех относящихся сюда построений лежит некоторая чисто механическая концепция социальной жизни и социальных отношений. Утверждается существование материальной, с естественнонаучной точностью определяемой экономической базы; утверждается далее существование на этой базе разнообразных „надстроек“, определяемых экономическими отношениями и от них всецело зависящих. Уже сам этот образ некоторого фундамента и возвышающейся над ним постройки создан на аналогиях, заимствованных из пространственной сферы. Тем более механический характер обнаруживает самая характеристика отношения между „базой“ и „надстройками“. Наиболее часто встречающейся в разных видах гипотезой, построенной для объяснения названного отношения, является гипотеза „отражения“ „базы“ в „надстройках“. Как предметы отражаются в зеркале, так материальные экономические отношения отражаются в „головах людей“ и образуют идеологические фантомы, в которых „реальная база“ принимает фантастически окрашенную форму идеологических образований. Марксисты потратили невероятно большое количество усилий для объяснения этого темного пункта об отношении „базы“ к „надстройке“, свидетельством чему служат сотни, даже тысячи книг и статей, на эту тему написанных. Но решение вопроса не может сдвинуться с места, пока не будет опознана полнейшая неплототворность строить исторические и социальные гипотезы на физико-механических сравнениях. Евразийство придерживается органического воззрения на социальную жизнь и потому для него не может быть скрыта принципиальная ошибочность таких сравнений. Евразийство есть учение о культуре, как об особой живой личности, в которой нет и не может быть никакой „базы“ и никаких „надстроек“. То, что этими понятиями обозначается, на самом деле является отдельными органическими сферами культурной личности, ее органически необходимыми, самостоятельными частями. Существует три таких основных сферы, — сфера телесная (географически-экономическая), сфера организационно-политическая (правовая и государственная) и сфера духовная. Евразийство отдает полный отчет в том, что первая из них, телесная, играет выдающуюся роль в жизни культуры. Количество влияний, от нее исходящее, может иногда превосходить в человеческой истории количество влияний, исходящее из других сфер. Какие влияния в конце концов преобладают — это есть вопрос статистики, которая показывает и обратное — именно, наличие влияний со стороны не экономических сфер на экономическую. Если исходить из органического существа культурной личности, то нужно признать, что каждое изменение в телесной сфере не может не отразиться на всем

культурном целом; но в то же время каждое изменение в сфере организационной и духовной в свою очередь не может не отразиться на сфере телесной. В живом организме всё переплетено и всё взаимодействует. И при его изучении можно взять за отправную точку любую органическую часть так же, как, исходя из любой части окружности, можно пройти всю ее и вернуться опять в исходную точку. Изложенное учение никак нельзя отождествлять с известной ревизионистской теорией различных „факторов“ социальной жизни. „Фактор“ в свою очередь есть представление механическое, исходящее из мысли, что социальное целое есть какая-то куча, в которую сложена экономика, право, государство, религия, нравственность и пр. идеологии. Мы имеем дело не с такими „факторами“, но с органическими системами органического целого, которые можно (конечно, со всеми резервациями и оговорками) уподобить только органическим системам физиологического организма, как то: система питания, нервная система, система чувствований и т. п. Каждая из этих систем представляет самостоятельное единство и в то же время связана со всеми другими и с целым. Особую самостоятельность и даже характер самодовления образуют в физиологическом организме система телесной жизни в ее целом и система „внутренней“ психической жизни. При всей их взаимной зависимости приходится признавать невыводимость одной из них из другой, чего не понимает материализм. В жизни культурной личности органические ее сферы построены своеобразно и еще более сложно, — но и здесь с полной силой выступает принципиальная невыводимость духовной сферы из сферы телесной. Евразийство должно всячески подчеркивать эту невыводимость и решительно противопоставлять себя марксистскому материализму.

Но кроме этого весьма важного момента существует целый ряд других, решительно отличающих евразийскую концепцию от марксистской. Мы отметим здесь только главнейшие из названных отличий, отделяющих марксизм от евразийства.

Марксизм представляет собою типичную для XIX века философию истории, построенную по прямолинейной линии человеческого прогресса. С этой своей стороны марксизм прямого родственника позитивизму Сен-Симона и Конта, историческим конструкциям Гегеля и другим подобным построениям прошлого века, от которых он отличается трезвостью и реализмом своих концепций. В известном смысле марксизм можно считать высшим завершением той философии истории, которую удачно называют „европоцентризмом“: вся мировая история по Марксу сконструирована так, что завершением ее является промышленная Англия XIX века; отсюда и постулируется, что необходимый переход промышленной Европы от капитализма к социализму является последней, высшей целью всего мирового исторического процесса, у которого одна большая, общая дорога, никаких разветвлений, никаких путей, не соответствующих основным линиям европейского развития. Было бы просто несообразным отрицать коренное расхождение таких историко-философских построений с учением о множественности культур, как оно развито было Шпенглером, кн. Н. С. Трубецким и другими. Между тем это последнее учение и было положено в основу евразийства, — даже более, евразийство идейно родилось вместе с этим учением, от

которого оно просто неотделимо. И потому есть некая основная несовместимость евразийской философии истории с марксизмом: марксизм начинает с того, что утверждает включенность России в общемировой закон социального развития, а евразийство начинает с утверждения самобытности культурного мира России—Евразии.

Более точек соприкосновения между евразийством и марксизмом намечается тогда, когда мы переходим к развиваемой последним теории классовой борьбы. По теории Маркса, человеческие общества, вступая в независимые от их воли производственные отношения, стихийно расчленяются на социальные классы, соответствующие тем экономическим функциям, которые они отправляют в производственном процессе. Человеческая история и есть борьба этих классов за экономическое преобладание и господство. Исторические государства суть ни что иное, как организации классового господства и классовой эксплуатации. Идеи, живущие и действующие в любом историческом обществе, суть классовые идеи, — завуалированные выражения классовых интересов. Таким образом „экономическая база“ истории избирает своим деятельным агентом социальный класс, интересы которого, обуславливаясь способом производства, „отражаются“ в „идеологии“ и придают этой последней классовый характер. Откидывая разобранную выше теорию „отражения“ экономической базы в идеологических надстройках, евразийство однако далеко от того, чтобы отрицать ценность социологических обобщений, заключающихся в классовой теории общества. С точки зрения исторического реализма представляется несомненным огромное значение классового начала в истории, нужно только освободить его от того одностороннего экономизма, который был придан классовому принципу школой Маркса. На место экономического класса евразийство выдвигает понятие социальной правящей группы, которая может образовываться по разным социальным признакам, — по признаку возраста, национальности, функций социального служения и т. п. В особенности же выдвигается евразийством значение в жизни человеческих обществ чисто служилых правящих групп, в господстве которых проявляется не односторонний эгоистический групповой интерес, но нейтральные интересы общественного целого. К образованию такой группы и сводится для евразийства проблема совершенного общественного строя, тогда как для марксизма проблема эта решается господством классового интереса пролетариата, как класса, интересы которого каким-то чудесным образом совпадают с интересами всех людей вообще, всего человечества. Таким образом евразийство, отдавая дань классовой теории Маркса, придает классовому началу совершенно новое истолкование, которого не знает классический марксизм и от которого весьма далек марксистский ревизионизм.

Чрезвычайно резко расхождение марксизма и евразийства в понимании общественного идеала. Хотя марксизм и противопоставляет себя утопическому социализму, называясь социализмом научным, однако ему, как и утопическому социализму, одинаково свойственна вера в возможность устройства на земле совершеннейшего общества, некоторого земного рая, переход в который будет „скачком из царства необходимости в царство свободы“. В некотором смысле марксизм даже утопичнее, чем те социалистические теории, которые он упрекает в утопизме, — именно, потому, что именуемые „утопистами“ хотели устроить свое совершенное общество из своей головы, а Маркс считал, что „ска-

чек в царство свободы" есть порождение неизбежных законов общественной эволюции, познанных путем чисто "научным". Надо признать, что объективное изучение экономических процессов буржуазного общества позволило Марксу открыть целый ряд реальных тенденций к социализации, вытекающих из самой природы капитализма. Но никак нельзя идеализировать эти грядущие процессы обобществления, полагая, что они несут избавление от всех бед, а не ряд новых человеческих мук и страданий. Думать так может только настоящий утопист, верящий, что каждый шаг общественного развития есть шаг к совершенству, что эволюция и прогресс вполне совпадают и что мир устроен в целях окончательного торжества идеала, осуществляемого путем голого естественного процесса. Облекать эту веру в "научную" форму значит превращать ее в худшую из утопий. В этом отношении евразийство гораздо реалистичнее марксизма. Евразийство не верит в возможность окончательного устройства на земле в виде земного рая. Земное, эмпирическое общество может быть только приближением к совершенству, а не его полнотой. Поэтому нет никаких решительных и окончательных стадий общественного развития, на которых решаются все проблемы, история останавливается и начинается райское блаженство. Каждая общественно-историческая стадия развития есть результат нужды и труда, которые могут быть ограничены, но не устранены. На каждой стадии возникают свои бедствия и недостатки, свои неразрешимые вопросы, своя неудовлетворенность и свои искания нового. Таков будет и социализм, если только он когда-нибудь подлинно наступит. Он разрешит ряд проблем, но поставит ряд новых. Он облегчит одни несчастья для того, чтобы дать родиться другим. Таким образом и с точки зрения воззрений на общественный идеал марксист может стать евразийцем, только вполне разочаровавшись в "научном" социализме, а евразиец может превратиться в марксиста, утратив одно из основных своих воззрений на невозможность "земного рая", т. е. перестав быть евразийцем.

С указанным отличием связано еще одно, на которое нельзя не обратить самого серьезного внимания. Марксизм верит в окончательное установление социального блаженства на нашей планете потому, что считает наиболее совершенным общественным состоянием строй, при котором окончательно погашены противоречия между личностью и обществом. Существующие общественные несовершенства проистекают для Маркса из того, что современный человек есть обособленное от общества "эгоистическое" существо. Проблема социального идеала и сводится к превращению такого человека в существо чисто родовое. Только тогда, когда это совершится, человечество достигнет истинного освобождения. "Истинная человеческая эмансипация", как учил Маркс, свершится только тогда, когда индивидуальный человек "в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях" станет "родовым существом", когда он свои *forces propres* познает и организует, как силы общественные". Это и есть стадия коммунизма, как стадия предельного освобождения. Вот это воззрение на возможность полного поглощения личности обществом должно быть решительно отвергнуто евразийством. Подобное поглощение может иметь место только в состоянии абсолютного совершенства или святости, — в обществе святых, в небесной Церкви. Во всяком же земном, эмпирическом обществе, составленном из человеческих личностей, всегда и неизбежно будет существовать

дисгармония между силами личными и силами общественными, — именно, вследствие несовершенства, присущего и целому и его отдельным частям. Только такая дисгармония и ведет к усовершенствованию и личности, и общества, порождая чувство неудовлетворенности, побуждающее к работе во имя лучшего. Общество, в котором не наблюдалось бы таких процессов, было бы царством полного застоя и косности, стало быть, далеко не совершенным из человеческих обществ. Мы имеем, впрочем, и эмпирические примеры таких общественных состояний, наблюдаемых, правда, не в человеческой, но в низшей, животной жизни, — у термитов, муравьев, пчел и т. п. Поэтому идеал коммунизма и есть, в сущности говоря, в порядке земных учреждений, идеал бестиальный, а не человеческий. Стремясь к нему, мы стремимся назад, а не вперед, — к животным стадиям жизни, а не к высшим духовным ее ступеням.

Указанный нами последний пункт не вполне ясно освещен в евразийской литературе. Отсюда и может проистекать соблазн представить евразийство, как систему „общего дела“, совершенно родственную по замыслу своему коммунизму. Соблазн этот должен быть решительно преодолен, вопреки различным тактическим соображениям, считающим полезным представить евразийство в защитной окраске коммунизма. Тем самым мы выйдем оружие и у наших противников, упрекающих нас в пренебрежении к идее человеческой личности, которого мы в действительности отнюдь не имеем.

Н. Н. Алексеев